

ПОЛИНА ГРИНЕВИЧ

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

КРОВЬ ДРАКОНА

16+

Полина Гриневич

Белый танец

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гриневич П.

Белый танец / П. Гриневич — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03172-2

Белый танец в паутине событий. Танец, в котором цена - жизни дорогих сердцу Даны людей и её собственное сердце. Что же выберет, пришедшая из легенды? Гибель мира или его спасение? Чувства или долг? Дана продолжает свой путь в стране Кельтике, узнавая о своём предназначении из подсказок, оставленных родителями. Она старается удержать то, что ей важно, и построить свою жизнь в чужом, но таком родном мире. Получится у неё это или нет, знает только время...Продолжение романа "С каждым ударом сердца" Автор обложки - Юлия Жданова.

ISBN 978-5-532-03172-2

© Гриневич П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог. Рисунок дракона.	5
Глава 1. Искры.	7
Глава 2. Решение	11
Глава 3. Лихорадка	16
Глава 4. Подарок	27
Глава 5. Послание и письмо	30
Глава 6. В тени мечты	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Полина Гриневич

Белый танец

Пролог. Рисунок дракона.

Иногда влюбленные Драконы мешают нам жить.

А иногда – мешают умереть.

Ян Словик – Трактат о драконах

Мазки, нервно набросанные на холсте, словно мешали друг другу. Беспорядок, хаос в борьбе красного и черного. Она пока не знала, что же получится на этот раз. Мучительная схватка двух цветов, заполонивших кажется все полотно, не оставляла места для белого, однако художница точно знала, что холодные отблески просто замерли, затаились под вихрями сражающихся потоков и обязательно еще покажут себя. В мелькании дыма и огня, казалось, можно было различить странные силуэты, то ли ищущие убежища, то ли кружащиеся во властном огненном хороводе.

Звук ревущего мотоцикла заставил ее поморщиться. Рука замерла у незаконченного образа, и Елена задумалась, не обращая внимания на решительные шаги за спиной. Мужчина бросил шлем на столик и выловил из вазы яблоко с красным блестящим боком.

Некоторое время он грыз свою добычу, не пытаясь произнести ни слова. Просто вглядывался в картину, где языки огня обнимали почерневшие стволы умирающих деревьев. Рядом, близко, но на дистанции, позволяющей контролировать все вокруг.

Женщина с досадой покачала головой и отложила кисть. Как всегда не вовремя! Такой уж он есть, с годами не меняется. Впрочем, это она позвала его и, надо прямо сказать, прилетел он, даже быстрее, чем можно было ожидать. Что же, чем быстрее все решится, тем лучше. Она уже все решила, а разговоры утомляют.

Между тем мужчина отбросил в кусты огрызок и аккуратно пригладил левой рукой седой ежик.

– Судя по всему, она не захотела возвращаться.

Елена некоторое время рассматривала байкера. Вся эта черная кожа с аксессуарами и красными вставками, что она должна напоминать ему? Доспехи? Когда-то, когда она еще любила посмеяться и воображала, что ей выпала невероятная удача, дать призванному имя – Ярне. Может быть, это показалось замечательной шуткой. Но для него это было просто имя. Значение имела только она.

Елена вздохнула. Конечно, они виделись очень редко, но его присутствие ощущалось непрерывно, словно меч рыцаря, который всегда в ножнах на поясе. Только, здесь это было скорее моральной поддержкой. И все же...

Меч, который ты должен носить всю жизнь, даже если понадобится он только один раз.

– Она получила целый мир.

– Ты думаешь дело именно в этом, э-э-э, мире?

Мужчина выбрал еще одно яблоко. Перебрал все, страж всегда очень тщательно подходил к своим поступкам. Это было тоже красным и блестящим. Крепкое и сочное оно лопнуло у него на зубах и капли сока разлетелись во все стороны.

Женщина с негодованием отодвинулась и внимательно оглядела платье. Ярне продолжил двигать челюстями, даже не пытаясь извиниться.

– Я решила...

Он замер. Наконец-то, она почувствовала в нем какой-то интерес, напряжение.

– Я решила, что ты отправишься к ней.

– Невозможно. Я твой страж.

Вот же мерзавец! Вспомнил, наконец. Он поискал взглядом место, а затем положил обгрызенный плод на край стола. Страхнул капли сока. И выпрямился. Вся его кожаная амуниция заскрипела.

– Я тебе поручаю сделать для нее все, что ты делаешь для меня.

Он скривился и pokrutil головой. Это было невозможно, неслыханно. И так манило.

– Ведьма! Ты же знаешь...

– Летать! Летать в небесах! Расправить крылья! Конечно же, знаю. Только я, не ведьма.

Она обняла мужчину и положила голову ему на грудь. Сердце билось почти так же как ее. Быстро-быстро. Только это не значило ничего. Во всяком случае, для нее.

– А ты?

Его голос стал хриплым. Грудь вздымалась раз за разом, это было такое забытое чувство. И такое прекрасное.

– Нет. Не я. Теперь ее очередь. Иди же. Иди, пока я не передумала.

Он подхватил свой шлем с летящими крыльями огня. Через минуту, мотоцикл вновь разорвал тишину поселка своим невообразимым ревом. «Летать, летать». Она на некоторое время закрыла глаза, а потом вновь обратилась к мольберту. Огненные струи по-прежнему страстно прижимались к черным стволам деревьев. Елене было просто очень грустно. Ярне не так уж сильно сопротивлялся. Рука дрогнула, и краски на холсте размазались, перемешавшись в невообразимой круговерти. Ну и пускай.

– Это будет твой танец, Дана. Белый танец.

Глава 1. Искры.

Пар. Пар, вырывающийся клубами с невообразимым шумом. Пар, заволакивающий все вокруг, скрывающий от взгляда мальчишки очертания невообразимого и чудесного монстра – паровоза.

– Арнольд! Ваши родители ждут вас!

Он не обращал внимания на недовольный голос учителя. Машина на рельсах настолько не походила ни на что, виденное ранее, что шестилетний мальчик в восторге замер, изо всех сил стараясь не пропустить ни малейшей детали, запаха, звука.

Выглядывающий из будки машинист, с равнодушным выражением лица, казался невероятным магом, рядом с которым скучные женщины – колдуньи, несколько раз посещавшие их дом и, мучавшие непонятными и странными вопросами, казались совершенно обыденными и неинтересными.

Казалось невероятным, что вся эта пылящая и фыркающая огромная машина может сдвинуться с места, по одному движению этого человека в синем форменном мундире. И не просто сдвинуться сама, но привести в движение, потянуть за собой вагоны с десятками пассажиров, в том числе и вагон, в котором он должен отправиться в свое первое в жизни настоящее путешествие, вместе с родителями выехать в столицу.

– Но господин Арнольд! Ваш отец будет очень недоволен. Вы же, знаете, он не любит, когда вы поступаете неблагоразумно.

Все это не имело никакого значения. Он знал, что учитель не рискнет увести его силой. Он будет только бегать вокруг кругами, и звать к совести мальчика, напоминать о неизбежном наказании, но думать наверняка будет только о том, как отец отчитает его самого, за беспомощность и явное бессилие.

Поэтому можно остаться, увидеть, как все это начнет двигаться, оживет, мертвое железо наполнится непонятной силой, и он сможет ощутить, увидеть эту силу в работе. Увидеть действие неподвластное даже магам, движение паровой машины.

Мальчик представил на секунду себя управляющим гигантом, летящим по рельсам, все быстрее и быстрее. Он даже поднял руку уже, словно ощущая, как энергия пульсирует в его растопыренных пальцах.

Контуры локомотива потеряли четкость и стали расплываться, словно краски акварели, которые разбавили дрогнувшей рукой, рисунок начал терять форму подобно посеревшему в один момент листу бумаги. Резкие черные металлические грани превратились в хаос, мечущихся искорок и снежинок, танцующих свой необыкновенный экзотический танец. А среди них, в глубине, таилось великолепное, сияющее и манящее невыносимо яркое белое пятно. Оно дрожало и казалось совершенно нереальным и одновременно таким теплым, зовущим. В его шипении и клочкотании как будто слышалась просьба помочь выбраться наружу, освободиться и принести этот жар, движение, силу всему миру.

Арнольд чувствовал, что и в нем, в глубине, есть нечто родственное, созвучное этой пульсации и одновременно глубокая уверенность в том, что он способен заставить эту силу подчиниться.

Он засмеялся, кажется, сейчас он был сильнее отца, учителей, сильнее машиниста, сильнее всего мира. Стоило только, сделать шаг вперед, позвать. Желание, манящее желание. Мгновенно маленький пульсирующий шар превратился в лавину огня.

Арнольд внезапно почувствовал, что радость покидает его вместе с силой, что яркие звездочки закрывают весь мир, и он отрывается от земли и взлетает вместе с ними. Потом глухой удар и чернота поглотила его.

– Арнольд! Все уже собрались. Нельзя же заставлять ждать столько времени людей, которых мы так долго уговаривали присоединиться к нашему собранию. Да еще и в такой неоднозначный период.

Гензерих с трудом оторвался от воспоминаний, может быть действительно пора. Его единომышленник прав, как всегда.

Ради этой встречи Ричард отказался, от каких либо намеков на свой необычный статус. Сегодня ничто в его облике не напоминало, о статусе главы самой большой церкви западного мира. Да и восточного тоже. Кажется, у персов не было церкви, только непонятная религия.

Хотя конклав еще до сих пор не собрался, чтобы утвердить статус первосвященника, но никто не пытался оспаривать решения новой власти. Церковь получила новые возможности, новых верующих, а в будущем ее влияние будет только возрастать. А старик, старик когда-нибудь найдется.

Конечно, доверять магу, даже под личиной священника в том деле, которое они затевали, Арнольд не мог, но сейчас его помощь была нужна. Все-таки поддержка организации, которая во многом уже овладела умами людей, в большинстве европейских стран, была необходима, причем именно в начале, когда это население еще не понимало главного. И на пути к этому пониманию, приходилось принимать непопулярные решения, такие, которые не нравились ему самому.

– Да-да, Арнольд, идем. Ты поступил так, как мы договаривались? Проблем не будет?

– О нет, они уже покидают город. Ведь это было единственное условие с нашей стороны.

– Потом смогут вернуться. Ну, а те, кто попробует увильнуть, с ними надо разобраться, объяснить.

Священник поправил галстук. Мимолетная улыбка коснулась губ, словно его посетила какая-то забавная идея.

– Непременно. Не волнуйся, нам никто не помешает. Во всяком случае, не у нас дома. Но, пойдем же.

Все эти несколько десятков шагов, отделяющих кабинет от личной библиотеки, служившей одновременно, и местом для особо важных встреч и совещаний, в узком кругу, канцлер в очередной раз пытался решить для себя старую задачу.

Он никогда не находил повода задать напрямую вопрос своему сообщнику, что заставило его, уже отучившегося в академии несколько лет, отказаться от привилегий и немалого содержания, исчезнуть на несколько лет в далекой глуши, а потом вынырнуть, словно из ниоткуда, в окружении самого познавшего истину. Какие его качества и умения позволили так быстро подняться по церковной лестнице?

Хотя, возможно он не задавал этот вопрос напрямую, потому что знал ответ. И именно это знание, в свое время и позволило ему впервые обратиться за помощью к Ричарду в некоторых не совсем обычных делах.

Конечно же, его предприятия и научные институты находились под особым надзором. Не иметь подобной службы значило сразу передать все свои достижения и успехи в руки конкурентов. Да и государство не всегда должно было знать обо всем, что происходило в научных лабораториях треста.

Но вот следить за теми, кто занимается слежкой, найти таких специалистов было нелегко. И когда, однажды, во время перерыва в рутинном мероприятии, во дворце, молодой священник, с такой же, как сегодня мимолетной улыбкой, глядя прямо в глаза, сообщил, что знает о его проблемах, Гензерих почти удивился.

Он, конечно же, знал, что когда-либо слухи могут выйти наружу, знал, ибо сам делал определенные шаги. Но вот то, что Ричард предложил ему воспользоваться церковью, в интересах контроля над деятельностью своих людей было необычно. Необычно было и то, что в

рядах самой церкви есть люди, которые занимаются подобной деятельностью и то, что их возглавляет этот молодой человек.

Собравшиеся в кабинете люди были относительно молоды. Относительно, ибо в их возрасте люди достаточно редко занимали такое положение. А они занимали.

В комнате царила тишина, прерываемая только шелестом страниц. Мартин Веррхаузен – автор Манифеста, просто не мог не найти интересное для себя, среди этих старинных кожаных корешков.

Другие просто спокойно потягивали черный горьковатый напиток, терпение было профессией для большинства из них. Терпение, спокойствие, тишина.

Тех, кто не обладал подобными качествами, кто любил эмоции, страсти, он пригласит потом в другое место, чтобы рассказать им, может быть другими словами, а может быть совсем другое. Каждый человек нуждается именно в том, что он желает услышать, а услышав, будет готов защищать это из последних сил.

– Господа, кому кофе? Здесь можно курить, у меня есть замечательный табак, только вчера получил из наших колоний. В верхнем ящичке стола коллекция трубок, желающие могут забрать на память о сегодняшнем дне.

Вошедший слуга разнес свежесваренный напиток, двое или трое присутствующих воспользовались приглашением и с удовольствием приступили к ритуалу раскуривания трубки.

Арнольд ждал. Ему тоже было не занимать терпения, впрочем, как и энергии. Спустя несколько минут, когда присутствующие уже смогли оценить как вкус мокко, так и аромат кубинского табака, он, наконец, поднялся из кресла и, подняв ладони, призвал своих гостей к вниманию.

– Друзья. Надеюсь после того, как мы провели вместе столько времени, я имею право называть вас так. Итак, друзья, сегодня здесь собрались те, кого без преувеличения, можно назвать силой сегодняшнего общества. Да, мы все представляем сегодня то, что двигает человечество вперед гигантскими шагами. Мы кровь этого движения, его мускулы, его мозг.

Сидящие в комнате люди слушали его внимательно. Конечно, с его словами нельзя было не согласиться. В их руках были банки и военные заводы, угольные шахты и торговые пароходства. В их руках были люди, армии людей, многие из которых даже не догадывались, кто является хозяином их труда, кому они служат на самом деле.

– Говоря о мозге, о мыслях, об идеях я отнюдь не преувеличиваю. Вы все, надеюсь, уже прочитали окончательный вариант документа. Нам осталось только утвердить его текст, простая формальность и завтра газеты всех европейских столиц опубликуют его на первой полосе.

Внимание, с которым ему внимали, могло польстить, но он знал, что эта встреча – простая формальность. Все уже было согласовано, утверждено и не только присутствующими, но и теми, кто часто никак не афишировал свое участие в этом проекте.

Все было согласовано, но в историю войдут те, кто сейчас здесь, в этом кабинете подписут Манифест.

– Господин Гензерих, вы считаете, что сейчас самый удобный момент? Ваша армия разбита, и персы могут двинуться на север, не встречая сопротивления. Знаете ли, они захватили Сицилию за четыре дня.

О да, банки будут требовать гарантию до последней секунды, даже если у них не будет другого выхода.

– Именно поэтому, Бартоломео. Именно поэтому. С этим врагом договориться невозможно. Иногда, я даже удивляюсь, как нам удалось получить свой шанс.

– И все-таки. Армия королевства разгромлена. А после того как вы опубликуете Манифест другие королевства накинута на вас как загнанные в угол крысы.

Другие присутствующие не участвовали в беседе, но он понимал, что этот страх, неверие в его силы ощущалось даже в них, в людях, которые вырвали свою власть в сотнях невидимых ежедневных поединков. Выгрызли подобно тем крысам, о которых упомянул итальянец.

– После того как мы опубликуем Манифест, мы станем сильнее. Люди стремятся к свободе, и мы только провозгласим священным и нормальным, естественным это стремление.

Арнольд почувствовал, что произносит перед этими людьми слова, которые приберег для других, для другого места и времени.

– Люди отдадут многое для того чтобы реализовать все свои мечты, все гуманистические принципы о которых лучшие, умнейшие и честнейшие писали десятилетиями. Свобода, равенство, братство в Европе без границ, без таможен, без королей.

Присутствующие слушали его в молчании и задумчивости. Единственным звуком было постукивание пальцев по крышке стола. Этот промышленник из Саксонии наверняка уже подсчитывал в уме возможные барыши от снятия пошлин и ограничений. И правильно, свободная торговля позволит им объединиться сильнее всевозможных священных союзов.

– Единая Европа, единое общество.

– И единая церковь.

Ричард выступил из-за его спины и одновременно благословил присутствующих жестом дерева. Итальянец досадливо поморщился.

– Конечно, конечно. Никто не возражает. И все-же...

Гензерих ощутил, насколько его собеседник на самом деле испуган. Страх, страх владел всеми. Возможно, крупницы страха поселились и в нем. Но эти крупницы, они просто заставляли его работать как сумасшедшего в последнее время. Он работал и не сомневался, он победит.

– Мы формируем новую силу. Национальная гвардия собирается в лагере недалеко от столицы. У нас уже есть около десяти тысяч бойцов. Они прошли испытание во время бунта. И у нас есть оружие против врагов. Любых врагов, существующих и воображаемых.

Он не рассказывал этим людям всего. Не стоило раскрывать все карты. Но совершенно точно, что армия, высадившаяся на юге, не сможет устоять против его изобретений.

– У нас есть воинская сила, у нас есть командующий. Я с нетерпением жду, когда войска других королевств ощутят силу нашей идеи. Силу свободных людей.

– И вашего оружия.

– Конечно.

Да, оружие и боеприпасы уже прошли испытания в лабораториях, на полигонах, на улицах столицы и на юге. Но у него есть еще. С каждым днем, с каждым взглядом на эти металлические игрушки у него появлялись новые идеи. Станки, к сожалению, невозможно было модернизировать так же быстро, как силу ружей и метателей снарядов. А люди? Люди учатся так медленно! Так страшатся того, что создается их руками. Люди – самое слабое место любого процесса. Очень досадно.

– Хорошо. Господа, я предлагаю принять решение. Есть ли сомневающиеся?

Словно по команде двери открылись и в комнату проследовали слуги с бокалами на подносах. Арнольд уже собрался произнести тост, но Мартин опередил его. С шумом захлопнув том, философ пригубил вино, и словно задавая вопрос самому себе, пробурчал.

– Но как же драконы?

Красное облако со старинной картины промелькнуло перед глазами, ему даже показалось, что девушка незримо присутствует здесь, в этой комнате, вместе с ними. Облака сигарного дыма, словно туман войны скрывали лица окружающих людей. Сердце защемило, и он принялся растирать грудь сквозь одежду. Помогало слабо, но, что можно было поделать? Она придет. Придет скоро. Голос прозвучал как будто со стороны, словно это говорил не он, а кто-то совсем чужой, неизвестный, неуверенный в себе человек.

– Можно не беспокоиться. Драконы останутся в стороне.

Глава 2. Решение

Что-то не позволило ей разорвать письмо. Конечно же, все это было несерьезно. Она попыталась вспомнить этого мужчину. Кажется, она могла вспомнить только одно, сухая вежливость. Может быть странная невысказанная насмешка? Или высказанная?

Коробочку Дана сразу поставила на стол и сейчас, искры, заигравшие в камне мешали сосредоточиться. Она изо всех сил старалась не сбиться вновь на истерический смех. Не выпуская письма из рук, шагнула подальше от камина, отвернувшись от огня.

Скорее всего, она ничего не ответит этому мужчине. Легкий холодок вдруг пронзил сердце, вспомнилось, что ожидало ее в назначенном министром месте свидания.

– Дана...

– Что еще?

Свет и тени от мерцающего в камине пламени, поочередно овладевали лицом стража, и она вдруг почувствовала, как биение ее сердца замирает. Ожидание познания случившегося, события на которое она не сможет никак повлиять, вдруг подступило, заставив выпустить письмо из рук.

Дар протянул ей газету. Бумага промокла и посерела, она расползалась под пальцами, но ей достаточно было увидеть заголовок на первой полосе. Огромные буквы жгли, кричали. Что ей было до этого? Она ведь уже знала!

Газета полетела в камин, взметнув столб искр, немедленно исчезнувших в клубах черного дыма, черные струи закрутились, формируясь в шар абсолютной тьмы, и тотчас же мир раскололся.

Все вокруг замерло, словно время остановилось. Тонкие трещинки побежали через окружающую реальность, словно сквозь лопнувшее стекло. Это было совсем не так как раньше, сейчас она стремилась куда-то, а окружающая ее реальность изо всех сил сопротивлялась.

С хрустальным звоном пространство перед ней рассыпалось и сквозь эти острые края, сквозь мерцание во тьме она увидела, ощутила другое место. Ветер завывал за ее плечами, голоса вокруг что-то кричали, черные подруги пели, они были готовы.

Девушка лежала на кровати, в горячке отбросив одеяло. Ее прекрасные волосы потеряли свой блеск. Глаза были закрыты, губы распухли, на лбу выступили капли пота.

Куски стекла продолжали рушиться, открывая путь. Сейчас она войдет и ...

Дана была здесь, в той же самой комнате и одновременно там, в том месте, где были они. Реган и Фиона. И они были в ее власти.

– Нет, не надо.

Маг появился перед ней, загораживая путь. Такой же, как и в первый день, только без бороды. Он раскинул руки, словно пытался закрыть весь мир за спиной.

– Не надо, она не виновата! Позволь, позволь, я должен помочь ей! Дана!

Это слово звучало уже со всех сторон, оно заглушало треск, и звон разбивающегося стекла и даже гулкие удары сердца. Дана, вдруг почувствовала, как кровь вот-вот вырвется на волю и, подняв руки, сжала виски. «Конец, это будет конец всему».

Сильная рука потянула ее за собой, и вселенная вернулась на место. Некоторое время они стояли обнявшись. Ее страж сумел на этот раз вовремя прийти на помощь. Что могло произойти? Неужели она смогла бы? Наверно смогла.

В спину дышал холод, но в объятиях Дара было тепло, и она чувствовала, как постепенно успокаивается. Губы уже перестали повторять: «Он не любит. Он меня не любит». Ведь это она уже знала, раньше. И ничего изменить было нельзя.

Дана мягко раздвинула руки мужчины и улыбнулась. Хотя бы с этим он справился. Она с удивлением оглянулась и почувствовала, как страх возвращается, вновь касается сердца.

В зале царил полный разгром. Огромное окно напротив было разбито и осколки стекла никак не мешали ветру внести множество сорванных пожелтевших листьев. Около окна на полу уже начала собираться лужа.

Деревянный стол, у которого она стояла, треснул напополам и разлетевшиеся щепки засыпали весь пол. Деревянные иглы, как занозы, пронзили письмо Гензериха. Деревянные перила лестницы, будто кто-то рубил топором, а часть ступенек просто исчезла, и эта пустота обрывалась прямо у ног Ковентины. Она стояла, закрыв лицо ладонями, и медленно покачивалась, подчиняясь какому-то внутреннему ритму.

Дана оттолкнула стража.

– Помоги ей!

Потом она вернулась к столу. Камень все также мерцал в свете уцелевших светильников. Девона надела его на палец и медленно подняла руку. «Очень красиво».

Она не смотрела, что происходит на лестнице.

– Ковентина! Прикажи накрыть к ужину наверху!

Дана почувствовала, что ужасно замерзла. Просто ужасно. По углам зала вовсю вспыхивали искры собравшегося по стенам инея. В камине не было ничего кроме черноты, мелкой темной пыли. Она кружилась на сквозняке от окна и, как стая мошкар, почуявшей живую кровь, не желала прекращать свою нервную пляску. В темной пасти не уцелело ни одного полена, ни клочка бумаги.

Слезы стекали медленно, но в этом полумраке они были не видны.

– Пускай здесь наведут порядок и вновь растопят камин. Мне нужно тепло.

Девона медленно поднялась наверх по лестнице, и еле переставляя ноги, добралась до своей комнаты. Сил хватило только на то чтобы рухнуть на кровать, не раздеваясь. Некоторое время она просто смотрела в потолок, изучая трещины в побелке и пытаясь составить из них какую-то картинку. Но кроме паутины ничего не приходило в голову. «Запуталась совсем!». Вздохнув, она повернулась на бок и поджала ноги. Туфли свалились на пол, и она пошевелила пальцами. Ходить было совершенно неудобно. Обувь, в которой она приехала в имение погибла во время дождя и последующего бегства, и как не старалась прислуга, найти нечто подходящее в запасах не удалось. Вот и эти вельветовые домашние туфли без задников, но зато с вышитым гербом годились только для того чтобы ходить по дому. В чем она поедет, было совершенно непонятно. Еще одна проблема в огромном ряду проблем.

Шум дождя за окном давно прекратился и последние солнечные лучи, пробившись сквозь портьеры, осветили кусочек стены напротив. Тени пытались играть в этом пятне света, и можно было угадать, что происходит снаружи, в этих сумерках. Кажется, на улице все успокоилось. Только, как долго сохранится это спокойствие?

Дверь скрипнула, и через мгновение кто-то опустился рядом с нею на кровать. Мягкие пальцы коснулись волос, и некоторое время играли растрепавшимися прядями. Потом опустились на шею. Дана почувствовала огромное облегчение. Эти прикосновения словно уносили прочь все мысли, и она уже почувствовала как напряжение, которое стискивало все тело, напряжение к которому она уже так привыкла, что только теперь осознала, насколько крепко оно держало ее в своих железных объятиях, это напряжение тоже начало медленно, незаметно терять свою жесткость. Как хорошо было отдаться этим чувствам и просто забыть обо всем. Лежать так всю жизнь, чувствуя эти пальцы, порхающие по спине.

– Надо идти... – эти слова Тина прошептала так мягко, тихо, что Дана поняла, что сказала девушка только по тому как изменился ритм движения ее рук.

– Надо идти, девушки уже накрыли к ужину. Нас ждут...

Сделав невероятное усилие, Дана повернулась и села, отбросив волосы за спину. Ковентина сидела с загадочной улыбкой, и отблески последних солнечных лучей играли в ее глазах,

придавая девушке особенный, необыкновенный облик. Она словно сияла вся на фоне опустившихся в комнате вечерних теней.

Девона нашла на полу упавшие туфли, и засунула в них ноги. Кажется, сейчас они подошли ей лучше. Слова подружки заставили ее вернуться к мысли, которая не давала ей покоя.

– Скажи, а почему все они не убежали.

– Они?

– Они, все эти девушки-служанки, слуги, конюхи, истопники. Разве они не испугались... меня? Ведь наверно они знают, что произошло.

– А куда они побегут? Наверняка у большинства нет родственников в других местах. Кроме того у них нет денег. Кому они нужны без денег? Скоро зима.

– Но все равно. Ведь это же был ужас!

– Магия всегда жила в этом доме. С ее проявлениями сталкивались их предки. Всякое бывало. Так что они думают, может быть все уже позади? Тем более ты собираешься уезжать.

Дана вздохнула и уставилась в угол, нахмутив лоб, а Ковентина достала гребень и попыталась навести хоть какое-то подобие порядка в этом пылающем костре, пламя которого, кажется, было способно разогнать любую тьму.

– Все равно гореть...

– Что?

– Так поется в одной песне. Гореть, но не сжигать...

– Ты знаешь, твои волосы... Они действительно светятся. Как огонь. Живой. Ну, мне так кажется...

– Это тебя пугает?

– Меня?! Мне просто теперь теплее.

Ужинали вчетвером, в мечущихся тенях. Проходя по коридору, она расслышала внизу звуки голосов и шум от ударов молотками. Но судя по всему, полностью устранить сделанные ею разрушения в такой короткий срок было просто невозможно и теперь сквозняк осторожно пробирался сквозь щели и пытался задуть свечи, пробраться под платье.

Они все молчали, только Дар время от времени косился в ее сторону, при этом изо всех сил стараясь не смотреть в сторону сидевшей напротив Тины. Раньше такие игры влюбленных могли вызвать у нее улыбку и неподдельный интерес, она могла бы следить за их поведением, словно в многосерийном фильме. Но сейчас, сейчас она просто с трудом сдерживала истеричский смех. Пытаясь сообразить, что же ей наложили в тарелку местные повара, она задумчиво ковыряла овощи вилкой. Определенно стоило прервать молчание.

– Дар, скажи.

Страж с видимым облегчением повернулся в ее сторону. Неужели он стесняется перед ней своих чувств? Или думает, что они помешают ему исполнять свои обязанности? Он смешно пригладил волосы, в ожидании вопроса, и она вдруг засомневалась, тот ли это человек, что совсем недавно пугал ее наяву и в странных снах. Почти мальчишка, хотя младше всего на несколько лет. Иногда ей даже казалось, что Антонио, сейчас молча уткнувшийся в свою тарелку, на самом деле старше ее стража. Она недовольно прикусила губу

– Скажи, у нас есть деньги?

На секунду ей показалось, что Дар растерялся. Возможно, он ожидал чего-то другого и прежде чем ответить переглянулся с Тинной. Но та, казалось, была совсем не удивлена. Может быть, деньги были тем, о чем она поневоле была вынуждена думать довольно часто, и вопрос, заданный ее подружкой, показался ей вполне естественным.

– Нам могут понадобиться деньги. И много.

Страж пожал плечами.

– Я уже дважды получил небольшие суммы в Иберийском банке. Все последователи дракона в этой стране хранят средства именно там. Но зачем тебе деньги? На то, чтобы добраться до твердыни...

– Мы не поедem на Мыс Проклятий.

Мужчина удивленно поднял глаза. Но она смотрела не на него. Лицо Антонио побелело, его губы шевелились «Опять, опять все изменилось...»

Непонятно почему, но ей доставило удовольствие впечатление, которое ее слова произвели на мальчика. Какая-то победа. Только непонятно над кем. В наступившей тишине гулко прозвучали шаги служанки с супницей в руках. Она поставила фарфоровую кастрюлю на стол и уже собралась выйти, но Дана задержала ее.

Некоторое время она рассматривала брюнетку, потом взяла ее за руку. Рука служанки была холодной как лед, и она ощущала, как быстро-быстро бьется ниточка пульса на запястье.

– Как тебя зовут?

Лицо служанки начал заливать густой румянец, и она неуверенно взглянула в сторону Ковентины. Та ободряюще улыбнулась и девушка, слотнув, неуверенно проговорила.

– Эна, мадам.

– Завтра утром, Эна, ты должна прийти сюда со своими родителями. У тебя в семье есть еще кто-нибудь? Братья, сестры?

– Да, мадам.

– Пускай приходят все. Сейчас, ты, свободна.

– Но мадам, а как же...

Дана кивнула, не выпуская руки девушки. Пульс почти замер, время как будто остановилось, и вместе они балансировали на краю реальности, словно не зная, куда они шагнут в следующее мгновение.

– Да, ты права. Сначала закончишь с делами.

Эна не сдвинулась с места и Девона почувствовала, как девушку пробирает дрожь, и она даже не пытается освободить руку. Это было очень странно, но прикосновение к ее руке было настолько приятно, что пришлось сделать над собой усилие и сразу же ухватиться за пустой фужер.

– Налей мне вина, Эна.

Неужели это всегда будет настолько приятно? Дарить, делиться. Она подняла глаза, Тина следила за ними, не мигая, расширившиеся зрачки почти скрыли радужную оболочку глаз. И она ощущала это понимание и ожидание.

– Да, мадам.

Служанка слабо пискнула и скрылась почти бегом. Дар следил за всем происходящим не скрывая того, что ситуация его явно забавляет.

– Что ухмыляешься?

Ну почему его поведение так ее раздражает? Все они за этим столом, сейчас ее раздражают!

– Ты просто великолепна!

– Чем же?

Дверь вновь отворилась и уже совершенно пунцовая Эна вошла с подносом в руках. Пока она разливала вино, Девана обратилась к Ковентине, аккуратно сложившей ладони на столе. Подруга внимательно изучала свои ногти, делая вид, что ее ничего не касается.

– Тина, что означает имя Эна?

Бутылка в руках служанки дернулась, но вино не расплескалось, только заиграло в бокалах в ритм мерцания свечей.

– О, это старое имя. Оно означает... – Тут блондинка загадочно улыбнулась. – Конечно, каждый может выбрать себе значение по вкусу.

Служанка покраснела еще сильнее, хотя это уже казалось совершенно невозможным, и пулей понеслась к выходу.

– Эна значит страстная. – Девана нахмурилась, и подруга поспешила добавить. – И пламенная.

Девушка отпила глоток вина и поморщилась. Потом постучала ноготком по фужеру и задумалась.

– Дар, завтра утром поезжай в город. Нам нужны два экипажа, чтобы добраться до столицы и деньги, хотя бы на первое время. И еще... позаботься, чтобы ночью мы все могли спать спокойно.

Глава 3. Лихорадка

На палубе корабля пламя завоевывало все больше и больше пространства. Огонь уже перебрался на паруса, и с реи срывались и падали вниз черные комки, совсем недавно бывшие живыми людьми. Потерявший управления парусник сносило в сторону форта, и грохот вдоль его бортов утих.

Струя пламени еще раз вырвалась из амбразуры главной башни форта и окутала носовую часть судна. Гибель корабля была уже делом не минут, секунд. Теперь происходящее в порту больше не интересовало Регана и он поспешил вернуться к жене. Вокруг королевы, по-прежнему толпилось множество людей, но, судя по всему, стоящий на коленях, седой мужчина был врачом.

Пустота внутри буквально звенела, заглушая все звуки вокруг, он пытался понять, что же пытаются сказать все эти люди вокруг, но не мог различить ни слова. Казалось, всего спустя мгновение Реган поднял голову, но с удивлением ощутил, что сидит у стены, до пояса укрытый какой-то тряпкой. Людей в зале заметно поубавилось, не видно было и тел погибших.

Все-таки взрыв и его падение не прошли даром, и сейчас ему требовалось хотя бы немного поднабраться сил.

Солнце по-прежнему врывалось своими жаркими лучами сквозь пролом в стене. Маг по-прежнему не слышал ни звука, но зато он чувствовал. Одна рука обнимала за шею, а другая, другая лежала на груди. От этих рук исходило тепло, живое тепло. И спокойствие, спокойствие от медленного, тягучего дыхания в такт трепетанию ниточке на шее, еле уловимый порыв ветра. Вдох – выдох.

Там, где пытались привести в чувство его жену, теперь было пусто. Наверное, все закончилось хорошо, во всяком случае, он сделал все что мог и теперь Фиона в безопасности. Но если она находится в безопасности, то кто сейчас обнимает его так бережно? Почему-то Регану совершенно не хотелось разбираться в этом. Кажется, этот запах напоминал аромат какого-то цветка, что-то было в нем неуловимо знакомое.

Все-таки мысль о том чтобы пошевелиться, попробовать встать, взять себя в руки однажды зародившись, никак не оставляла его. Словно почувствовав, что еще мгновение, и он может разомкнуть объятие, ускользнуть, неизвестная девушка, а то, что это была девушка, он не сомневался, напряглась и спокойный ритм ее дыхания сбился.

Маг поднял голову и уперся взглядом в лицо Элорри. В руках баска был меч, его меч, а в глазах озабоченность и капелька, неуловимый отблеск презрения. И это было очень обидно, обидно, что этот человек уже второй раз вынужден был выручать его из беспомощного состояния. Нет, это было несправедливо, он сражался и даже возможно победил, многие наверняка обязаны жизнью именно ему. Он спас королеву. Он сделал, только то, что должен был сделать.

Но ни в жестах, ни в лице телохранителя не было заметно уважения, и Реган почувствовал как злость охватывает его, затапливает волнами раздражения и желания доказать, в первую очередь именно этому человеку, всю правоту и значимость своих поступков.

Маг почувствовал, что силы постепенно возвращаются к нему и он максимально осторожно, стараясь никак не показать эмоции, способные вырваться наружу разрушительным порывом силы, разомкнул теплые объятия.

Это движение словно прорвало внутреннюю плотину, и целая какофония звуков ворвалась в его уши. И эта симфония шума и грохота заставила вздрогнуть.

– Поднимайтесь, господин маг. Война уже началась.

Разноцветные пятна, которые медленно проплывали перед его глазами, медленно касались мягкими краями, не спеша продолжали свое плавное движение, внезапно замесались в беспорядочном ритме дикарского танца. Он отчаянно заморгал, пытаясь избавиться от непри-

ятной рези. Звуки, которые доносились со всех сторон, теперь уже пробивались через пелену шума, но пока что больше напоминали шорохи.

Голос баска, доносившийся из неведомой дали, чужой, словно принадлежал не крепкому мужчине, а испуганному ребенку, шепчущему матери в темноте о своих страхах.

Война началась. Если это действительно так, то он должен действовать. Обязан что-то приказывать, правда, кому? Кому он должен предложить свои способности, свое оружие. Где найти свое место?

Боги, какая чушь! Реган протянул руку, и испанец помог ему подняться. Та же мягкая рука, старательно поддерживала его под локоть и он, принимая оружие, не мог не оглянуться.

Это было стыдно и неприятно, но ужасный привкус во рту заставил отвернуться, скрыться и выплюнуть всю эту пыль, которая отвратительным вкусом не давала пошевелить распухшим языком. Еще и еще раз. Помогло мало. Разве что удалось немного подсобрать мысли и придать их хаотическому движению хоть какую-то связность.

Война это конечно ужасно, но, пожалуй, иногда приходится сталкиваться с проблемами опаснее обычной войны. В глазах Мадлен он прочитал ожидание, веру более сильную, чем мог рассчитывать от своих последователей самый могущественный бог, надежду на чудо и главное желание, затаенное, но в то же время, мечущееся в поисках выхода.

Да, он слабо разбирался в вопросах любви, влюбленности, отношений, но здесь любой мог бы ответить на вопрос, что же означал этот взгляд.

Спаситель любого мужчины – оружие. Меч и средство выяснения отношения, и подтверждение статуса, и друг, способный выручить в любой ситуации. Недаром многие дают имена своему оружию. И сейчас Реган вцепился в ножны своего фамильного клинка как в последнюю надежду, соломинку утопающего.

В меч и руку своего телохранителя. Война – дело мужчин. Вот сейчас он этим и займется, благо и в голове прояснилось.

Реган вытер губы и попробовал сделать шаг, чувствуя, что силы возвращаются к нему. Силы бежать от одной опасности, которую он, возможно, придумал, к другой настоящей, реальной. Он надеялся, что не сделал больно, ведь она не отпускала его до последнего, кажется, это ощущение движения пальцев по предплечью в безотчетной попытке удержать хотя бы еще на долю секунды.

Нет, с этим не разобраться, теперь он будет делать то, что обязан делать каждый мужчина на войне, защищать.

– Что происходит? И где моя жена?

Элорри помедлил, оценивая, насколько маг пришел в себя. Видимо инспекция его удовлетворила и, хмыкнув, он повернулся и направился к пролому. Реган осторожно сделал еще один шаг, мысль о том, что он может споткнуться и ему вновь потребуются помощь девушки не давала покоя. Но, кажется, все действительно налаживалось, и можно было попытаться догнать телохранителя.

На ходу мелькнула странная мысль, ведь они одного поля ягоды, управляют одной стихией, но кто из них сильнее, он или эта миниатюрная красавица с жадным и одновременно каким-то потерянным взглядом, совсем не хотелось выяснять. Так же совсем не хотелось оглядываться, но кажется Мадлен осталась стоять там же, у стены.

Из пролома тянуло свежим осенним ветерком, солнце уже клонилось к закату, и с трудом пробивалось через массу мачт и рей судов, заполонивших внутренний рейд марсельской гавани. Чуть дальше, медленно двигались пароходы, выбрасывающие в воздух темные клубы дыма. Десятки, десятки разнообразных судов, ставших на якорь или до сих пор, осторожно ищущих себе место в этом безумии. Все они подчинялись какому-то плану, выбранному неизвестным гением для сотворения чуда, особенного пейзажа, белые паруса на фоне темнеющего

неба и все еще яркой синевы водной глади. Парусов становилось все меньше, а черных точек на палубах морских левиафанов все больше.

– Кто это? Неужели?

Реган не удержался, и сопроводил слова смачным ругательством, изо всех сил стараясь не оглядываться. Возможно, девушка не разобрала его слова, во рту по-прежнему царил отвратительный привкус штукатурки.

Ибер покосился с кислым видом. Выражение лица говорило само за себя, открывшийся в проломе вид не доставлял ему ни малейшего удовольствия.

– Да, клянусь Баалом, произошло то, во что никто не верил. У царя царей появился флот, способный поспорить и с флотом Карфагена, и с флотом королевства.

Реган решил, что и он должен сказать что-нибудь, что может успокоить хотя бы его самого. Даже не успокоить, но помешать беспокойству, уже по-хозяйски обосновавшемуся в душе, помешать потере остатков образа настоящего мужчины.

– Эскадры хозяев морей всегда были наготове. Карфагеняне наверняка знали, что и такая армада может собраться в одном месте. Они свой нанесут удар.

Элорри выглянул из пролома, рассматривая что-то внизу. До мага донеслась фраза, сказанная уже вскользь, без особого желания поддержать беседу.

– Кажется, вы много путешествовали. Моряки любят открывать новые пути. И потом, кто сказал, что флот африканской республики еще существует?

Реган присоединился к телохранителю и удивился царившей внизу на лужайке суете. Он знал, он видел этих людей. Не солдат, нет. На них не было мундиров, но они были вооружены, опоясаны мечами. Но то, чем они занимались, не походило на подготовку к сражению. Совсем недавно наблюдал за погрузкой и выгрузкой их механизмов на поезде. Тогда их форма была скрыта под брезентом. Теперь же, можно было разглядеть во всех подробностях и сами военные устройства, и всю подготовку к использованию новой силы.

Люди тщательно устанавливали машины. Длинные трубы на деревянных подставках, направленные в сторону моря, выглядели странно, но все-таки он чувствовал, ощущал в них скрытую угрозу. Люди Гензерика складывали пирамидами ящики, повозки подъезжали и отъезжали, а они торопливо готовились к чему то.

Суета, царившая на площадке перед дворцом, с короткими командами, побелевшими лицами, нервными движениями, все отражало готовность к началу битвы. Но с кем? И каким образом? Он повернулся к телохранителю.

– Тебе известно, что это? Я почему-то думаю, что ты знаешь гораздо больше, чем говоришь.

Шум внизу стих, и люди на лужайке под окнами замерли, выстроившись у своих странных монстров. Четыре длинных черных трубы настороженно вытянулись в сторону порта. Два офицера внизу, руководившие общим движением, теперь замерли, приложив к лицу наблюдательные трубы. Тишина, напряжение самой последней минуты, да это состояние было ему знакомо.

– Наверно, нечто такое, что было на персидском корабле. То, что разрушило стены Тира.

Солдаты, а он внутренне уже решил называть их «солдаты», по-прежнему ждали. Да, это было страшное оружие, подобное тому, что убило столько людей здесь, в этом зале у него за спиной и там, на улицах Лиона. Один снаряд, способный умертвить десятки людей или разрушить стены крепости. Отсюда он не видел, какие повреждения принес обстрел замку. Это был один корабль, А если подобные орудия есть на всех этих кораблях, собравшихся у берега?

– Это бесчеловечное оружие. Нечеловеческое.

Элорри не обратил на эти слова никакого внимания. Он продолжал всматриваться в линию замерших судов, За одной линией была другая. А дальше, совсем далеко, столбы дыма медленно двигались на север, огибая побережье.

«Сколько судов!» Они могут высадить десант в других местах, там, где армии нет и там где некому защищаться. Но они собираются высадиться здесь? Может быть, этот флот вторжения не ожидает сопротивления? Может быть, персидские адмиралы думают, что их преступный замысел удался и сейчас некому защищать этот город. Может быть, они уверены, что королева мертва и солдаты уже представляют собой не армию, а испуганную толпу, ищущую в панике спасения?

На самом большом четырехмачтовом фрегате, ветер развернул огромное черное полотнище, и теперь даже у Регана не осталось никаких сомнений, золотой сокол Веретрагна распластал золотые крылья во всем своем великолепии.

А потом все суда окутались дымом. Звук долетел до него спустя секунды и это был неслышимый шум. Грохот грозы усиленный в несколько раз, раскаты грома, треск и затем звук удара, одного за другим ударов о камень. Камни полетели в разные стороны от башен форта, столбы пыли поднялись среди домов на набережной. Еще и еще.

– Ты не ответил. Моя жена в безопасности?

На набережной кажется, воцарился сам первобытный хаос. Пыль уже закрыла здания на набережной плотным белесым облаком, облако белого дыма скрыло от их взгляда и корабли ведущие стрельбу. Только звуки тяжелыми ударами долетавшие из этой завесы по-прежнему подтверждали, что нападение продолжается.

– Никто из нас не в безопасности. Но ее величество наверняка охраняют.

Реган не успел ответить. Внизу, к готовящимся к бою людям и машинам, подлетел всадник и что-то прокричал, вытянув руку в сторону порта. Через мгновение все зашевелилось, каждый занялся предопределенным ему заранее делом, люди молча, выполняли заученные операции, и слышался только лязг металлических механизмов.

Затем офицер оторвался от наблюдательной трубы и взмахнул саблей.

Маг обратил внимание, как люди внизу одновременно подняли руки к ушам и страшный грохот буквально сбил его с ног. Машины окутались дымом, из стволов вырвалось пламя. А солдаты уже забегали, вновь готовя свои механизмы к новой атаке. Еще один взмах саблей и еще один взрыв грохота. Но теперь, он уже был к этому готов. Зажав уши руками, Реган отступил назад на несколько шагов. Спустя несколько секунд дым начал запускать свои щупальца внутрь здания, они вползли, цепляясь за битый кирпич и торчащие куски штукатурки, и скоро ядовитое облако закрыло почти весь пролом в стене.

Мадлен закашлялась и перестала всхлипывать. Грохот внизу продолжался, но различить уже было практически ничего невозможно, дым резал глаза, и стало понятно, что отсюда надо скорее уходить. Он протянул руку и, к его удивлению, сразу же ощутил маленькую женскую ладошку.

– Идемте, надо найти Ее Величество.

Ибер подхватил его под локоть, и они осторожно стараясь не споткнуться о не убранные обломки стены, куски мебели, начали пробираться к выходу. Девушка продолжала кашлять, и он попытался нащупать в кармане платок, который определенно был там утром, но телохранитель не давал им возможности затормозить и преследуемые клубами дыма они, наконец, сумели выбраться в коридор, чудом не переломав в полутьме ноги и руки.

За дверями царил совсем другая атмосфера. Немногочисленные окна были плотно зашторены и полумрак, разогнать который, тщетно пытались бледные огоньки свечей нескольких настенных светильников.

В коридоре их ожидал молодой офицер с коротким копьём в руках. Заметив выходящих, он немедленно вытянулся и поставленным, гвардейским голосом почти прокричал, стараясь быть услышанным в шуме, который хоть и стал глуше, но никуда не исчез.

– Ваше высочество! Ее величество королева чувствует себя лучше и просила вас, по возможности прийти к ней, как только обстановка и здоровье позволит вам это сделать.

– Вам что-нибудь известно? Что говорят врачи о здоровье моей жены?

Эти слова он произнес уже почти на бегу, даже не поинтересовавшись, где находится королева. Офицер тоже прибавил шагу и только спустя несколько секунд Реган вспомнил о своих спутниках. Он оглянулся, не останавливаясь, ибер и девушка отстали на несколько шагов, мужчина поддерживал Мадлен под руку, а она, опустив голову, смотрела себе под ноги, скрыв лицо под разметавшимися волосами.

Уже на первом повороте им встретилась группа солдат в полном вооружении, в кирасах и шлемах, с алебардами и арбалетами. Они явно нервничали и вздрагивали от каждого громкого удара за стенами дворца.

«Да, война теперь будет другой. По-прежнему жестокой, страшной, но жестокой по-новому. И на этой войне алебарды, наверное, уже не будут достаточно надежным оружием».

– Сюда, пожалуйста, Ваше высочество. А эти люди должны остаться здесь.

Эти слова принадлежали уже другому офицеру. Капитан гвардейцев был ему знаком. И хотя за все время, которое он провел во дворце, им удалось перебраться всего несколькими фразами, несмотря на старательное соблюдение гвардейцем этикета, Реган испытывал к этому человеку внутреннюю симпатию и некую неосознанную зависть.

Во всяком случае, капитан исполнял свои обязанности с некой долей артистизма и внешнего лоска, умудряясь не терять облика настоящего опытного вояки. Казалось, он, словно всем своим видом намекал, что вся эта синекура, которая его конечно совершенно не тяготит и может быть даже позволяет спокойно радоваться жизни в столь приятном месте. Но при появлении любой, самой небольшой угрозы он сам немедленно проявит свои самые важные качества, но что самое главное, заставит всех других сделать, выполнить свои обязанности, не жалея ни сил, ни здоровья, ни жизни.

А сейчас опасность уже была совсем не малой, она, можно сказать, стучалась в стены дворца всем этим грохотом и, хотя пока рядом не было взрывов снарядов, но опасность могла исходить от любого человека и любого предмета.

Капитан сам занял главный пост у дверей королевских покоев, и солдаты, которые были рядом с ним, изо всех сил старались сохранять невозмутимый вид.

Дверь за ним закрылась, и он огляделся, словно пытаясь понять, как произошедшие события могли отразиться на комнате, где он провел так много времени. Все последние дни и ночи.

Был ли он счастлив тогда? Казалось, такой вопрос задавать было совершенно бессмысленно! Жениться на самой красивой девушке королевства, королеве, которая могла дать ему все, ничего не требуя взамен. Ощущать каждый день настоящую любовь, радость той, которая находилась с ним рядом, купаться в ее счастье, словно в самых теплых и ярких солнечных лучах. В конце концов, просто обладать ею, разве не могло это являться мечтой любого мужчины.

Две фрейлины, сидевшие у постели королевы, поспешили встать и поклониться. Их движения вдруг словно замедлились, пространство вокруг превратилось в тягучую массу, кисель в котором уже тонул весь мир вокруг. Удар по вискам мог означать только одно, магический взрыв, подобный тому который он ощутил всего несколько дней тому назад. И означать он мог только одно.

Глаза фрейлин внезапно наполнились ужасом, одна из них медленно оседала на пол, другая поднесла ладони к губам. Реальность уже теряла свой смысл, и все вокруг мерцало, словно распадаясь на груды бесформенных частей.

Реган обернулся, нет, ее еще здесь не было, и в то же время он ощущал ее присутствие, ощущал ее гнев, факел чувств, который сжигал пространство вокруг него, может быть только в воображении, в мыслях, но способный через мгновение воплотиться в реальность, здесь, в этой комнате. Вся эта пляска чувств была, может быть, и не связана с ним, но совершенно точно не сулила ничего хорошего никому, кто мог оказаться рядом.

«Она узнала!»

Эта мысль заставила его в отчаянье обратиться к своим силам, своим магическим способностям, чтобы попытаться остановить Дану. Он что-то закричал и, чувствуя себя травинкой на пути урагана, все-таки попытался не дать ей совершить непоправимое. В той странной связи, нити, которая их соединяла, оставляла надежду на понимание, на единение, он вдруг ощутил, что девушка колеблется, что она не хочет, чтобы случилось непоправимое и любая самая маленькая пауза оставит надежду на то, что она опомнится, остановится.

И все исчезло, остановилось, рассеялось как дым. Только через это расстояние, невероятно длинное, он ощутил эхо ее чувств. Горечь и облегчение.

А он? Может быть чувства, испытываемые сейчас, и даже раньше тоже были такими? Может быть, к ним еще можно было добавить ощущение вины, где-то мелькнувшее на границах сознания. Но признать такое Реган не мог. Иначе можно было просто сойти с ума.

– Ты вновь спас меня.

Фиона закусила губу, пытаясь скрыть слезы, и протянула руки. Он подхватил ладони, упал на колени и опустил голову ей на грудь.

Любил ли он ее? Сейчас, кажется, в этом не могло быть сомнений. Все что в его жизни имело значение, было связано только с нею. Все что он мог совершить и совершил, было связано с нею. Это биение сердца только подтверждало всю силу его чувств и способностей. Он вернул ее к жизни, когда нить ее судьбы уже ослабла и грозила оборваться совсем. Он сумел или все-таки не только он?

Он почувствовал вдруг страшный стыд. Эта измена, она заставила его покраснеть и почувствовать себя самым страшным негодяем в истории людей. Но почему это сомнение не дает ему покоя? Кому он изменил? Кому он изменяет? Почему даже сейчас, когда он, закрыв глаза, вслушивается в торопливое биение сердца одной женщины, для которой он готов сделать все, и для которой сделает все, мысли о другой никак не покидают его. И это понимание что ему стыдно перед ней тоже, ему стыдно перед ними обеими, ужасное чувство. Но образ Даны совершенно не желает покидать его чувства.

Сердце королевы продолжало биться еле слышно, но равномерно и спокойно. И это чувство покоя передавалось и ему. Он уже не так судорожно сжимал ее ладони, и тепло женского тела постепенно наполняло его забытой негой и ощущением безмятежности. Он словно плывал на теплых волнах ее дыхания и наслаждался тишиной. Тишиной? О нет!

Фиона что-то еле слышно шептала, даже как ему показалось, напевала, и ему было невообразимо больно отрываться от нее в это мгновение. Но тишина! Гром орудия пропал. Это что-то означало. Но разбираться было некогда.

– Где все? Где все люди?

Девушки смотрели на него с недоумением, и он заметил, как у одной из них задрожали губы. Только бы не разревелась. Все происходившее было выше их сил и выше понимания. Реган уже был на ногах, вопрос остался без ответа, но на самом деле мужчина понял, здесь остались только эти две девушки. Остальные, обычно столпившиеся у трона, ищущие любую возможность обратить на себя внимание, сделать что-то бессмысленное, но заметное, все исчезли как по взмаху волшебной палочки. Струсили.

Фрейлина, наконец, превозмогла свой страх.

– Они все ушли. Королева их отпустила. Приказала спасаться.

Маг обернулся и в ответ на его вопросительный взгляд Фиона медленно кивнула.

– И они бежали? Все? Расползлись как тараканы?

– Мы остались. Я и Аннабель. И мы не знаем что делать.

Две девушки остались. А все эти люди с должностями, со званиями, с обязанностями, они кинулись спасаться сами, чуть только получили малейший повод спастись от угрызений совести. Впрочем, вряд ли им грозили такие муки. Нет, они сейчас мчались по улицам города пыта-

ясь спасти свои душонки, тряпье и заработанные за годы «верной» как они считали службы. И может быть в их душонках не было даже капли благодарности, только страх.

– Не сердись, Реган. Вокруг меня происходит ужасное. И я чувствую, что это еще не конец. Кажется, Неделимый покинул нас, и все несчастья обрушились на меня, на тебя, на нашу страну. И ты, ты тоже должен идти, бежать. Я боюсь, что на тебя будут охотиться, так же как на меня.

Нет, такой глупости он вытерпеть уже не мог. Маг поднялся и, стиснув рукоять оружия, подошел к окну. Распахнул створки и прислушался. Ничего. Канонада стихла без следа. Неслышно было ни шума шагов, ни звона оружия. Это окно выходило в сад, на сторону противоположную морю. Но он чувствовал в воздухе резкий запах гари и еще чего-то неизвестного до сих пор и возможно, поэтому отвратительного. Внизу на аллеях он не увидел никаких признаков охраны, и это заставило его больше не раздумывать.

– Быстрее помогите королеве собраться. Мы должны немедленно покинуть дворец.

– Ее величество больна, слаба...

– Прекратите, не время сейчас. Или вы хотите, чтобы мы все попали в руки персам? Вы этого хотите.

Девушки бестолково заметались по комнате, и Реган понял, что так он ничего не добьется. Фиона приподнялась в постели и оглядывалась по сторонам, словно не зная, что делать.

– Аннабель, за мной!

Королева была легкая как пушинка. Маг забыл, что всего несколько минут назад он сам еле шел сюда по коридору, а чуть раньше вообще провел без сознания неизвестно сколько времени. Сделав несколько шагов, он понял, что переоценил свои силы, но к счастью двери открылись, и внутрь ворвался все тот же капитан Моран и еще один офицер, в мундире кирасира и в боевых доспехах.

– Быстрее, Ваше величество! Командующий прислал лейтенанта Трюшо. Похоже, наши дела обстоят не самым лучшим образом.

На лице кавалериста застыло угрюмо-отчаянное выражение, и он смог только кивнуть. Каску он держал в руках, и лошадиный хвост волочился по полу.

– Экипажи уже ждут внизу. Прошу поторопиться.

В коридоре уже собралась толпа народу, видимо весть о бегстве быстро распространилась и со скоростью лесного пожара достигла тех, кто все-таки надеялся на лучшее или попросту не имел возможности бежать. Теперь все они надеялись попасть в королевский поезд и надеялись, что под охраной военных будут хотя бы в относительной безопасности.

– Прочь. Прочь.

К счастью солдаты не церемонились и, энергично расталкивая толпу, проложили дорогу к лестнице. Офицер-кирасир шагнул, впереди обнажив палаш, капитан стражи замыкал шествие. Реган оглянулся только один раз и за спинами испуганных фрейлин заметил лицо ибера. Его телохранитель не пытался приблизиться и шел сразу же за арьергардом солдат охраны.

Почти бегом они спустились к парадному входу во дворец. Здесь их уже ожидали несколько открытых экипажей. Большинство из них было запряжено четверками лошадей и блистало лаком и позолотой.

Солдаты охраны вытянулись цепочкой, отделяя подготовленные к отъезду средства передвижения от практически пустой улицы.

«Хорошо хоть парадный выезд не подогнали. Интересно, эти экипажи рассыплются через десять минут езды, или выдержат хотя бы час?»

Солдаты практически под руки проводили его с королевой к самой большой карете. Фиона закрыла глаза и не шевелилась, обхватив его за шею. Двое солдат заняли место напро-

тив, еще один сел рядом с фореитором. Следовавшие за ними люди пытались пробиться через строй солдат, но они не пропускали никого.

Реган бережно опустил жену рядом с собой на сиденье. Он бы ни за что не выпустил ее из рук, но ибер был ему сейчас необходим. Маг вернулся к оцеплению, фрейлин уже пропустили и они торопились занять место в первой повозке, Колдуньи ждали за спиной у Элорри, Мадлен прятала взгляд, а Дорис отчаянно махала рукой.

Баск, нахмурившись, что-то выговаривал офицеру, а тот уже схватился за рукоять клинка.

– Лейтенант! Лейтенант Мартен! Эти люди со мной!

Реган буквально не позволил королевскому охраннику извлечь клинок из ножен. Сжав запястье гвардейца, он удивился внезапно вспыхнувшей в глазах офицера ненависти.

– У меня приказ!

– Не знаю, кто его вам отдал, но, кажется, мой приказ главнее.

Кажется, что решимость вдруг покинула лейтенанта. Он только кивнул баску и отошел в сторону.

– Быстрее, Элорри, я должен вернуться к жене. А вы займите место охраны в последней карете. С вами мне будет спокойнее.

Его слова заглушил сухой треск где-то совсем недалеко. Может быть, в ста метрах ниже по улице, может быть дальше. Он еще не научился правильно определять расстояние по звукам этого оружия. Но то что здесь стреляли из того же самого что в столице, он был уверен.

Он успел поставить ногу на ступеньку кареты, как в ворота влетел еще один кавалерист.

– Быстрее!

Капитан кирасиров взмахнул рукой.

– Королева в опасности! Марш, марш!

И солдаты, пришпорив коней, понеслись по аллее. Возницы щелкали кнутами, и экипажи буквально сорвались с места под громкое ржанье лошадей. Гвардейцы буквально поймали его на лету, и через секунду он уже прижимал к себе Фиону. Королева была бледна и вздрагивала как от боли при каждом резком движении.

Несколько гвардейцев скакали рядом, но, сколько их сопровождало кортеж, разглядеть было невозможно.

Они проехали по парковой аллее, а затем свернули на юго-восток и выехали на широкую улицу, постепенно спускаясь вниз с холма. Экипаж совсем не приспособленный к такому быстрому передвижению подпрыгивал на булыжной мостовой, гвардейцы подпрыгивали на сиденье, Реган изо всех сил пытался хоть немного облегчить мучения Фионы, голова, которой моталась из стороны в сторону. Королева уже прикусила губу и бледность, вновь охватившая лицо женщины, заставляла сердце мага замереть от бессилия.

На пустынных улицах совсем не было людей, горожане попрятались по домам либо, имея возможность, уже бежали перед угрозой вторжения иноземного войска.

Марсель не знал войны уже сотни лет. Внезапно карета затормозила, чуть не врезавшись в передний экипаж. Реган поднялся во весь рост, пытаясь разглядеть что-то за стоящими перед ним людьми и лошадьми. В сгущающихся сумерках разглядеть что-либо было почти невозможно. Кавалеристы впереди замерли, и до него доносились только отдельные обрывки фраз. Посовещавшись, всадники выстроились перед передним экипажем, а двое направились к карете.

– Ваше величество! Как вы себя чувствуете? Нам нужно принять решение.

Офицеры не смотрели в его сторону и он, в очередной раз подумал, что пока еще не являлся в их глазах кем-то, кто может и способен принимать решения. Фиона попыталась приподняться, но вновь опустилась на сиденье кареты. Потом снова приподнялась и протянула магу руки. Реган опустился на одно колено и помог ей встать. Опершись на его плечо, королева

выпрямилась с видимым усилием. В простом домашнем платье, с распущенными волосами, она, тем не менее, выглядела так, словно вот-вот должна была взлететь, подняться над этими неуверенно чувствующими себя мужчинами, призванными беречь, хранить ее, но не желающими взять на себя ответственность за последствия поступков своих и подчиненных им солдат.

– Я слушаю. Я слушаю тебя, Моран.

Капитан гвардейцев поспешно спрыгнул с лошади и склонил голову. Кирасир последовал за ним, и некоторое время мужчины молчали, словно подбирая слова. Первым заговорил кавалерист.

– Ваше величество ниже на улице метрах в ста пятидесяти замечен враг. Мы не знаем, сколько их, пятьдесят, сто или больше. Мы можем атаковать и попробовать проложить дорогу Вашему величеству. Но существует риск, что атака не удастся, и вы останетесь без защиты. Капитан Моран предлагает другой вариант, попробовать пробраться мимо вражеских постов переулками. Но тогда мы вынуждены будем оставить здесь экипажи.

Оба варианта показались Регану никуда не годными. Сумасшедшая атака в лоб противника, о котором ничего не известно в полутьме, когда невозможно было понять, кто на самом деле перед тобой, была ничем не лучше ночного блуждания по переулкам. Так легко было просто попасть прямо в руки персов.

Офицеры напряженно ожидали ответа Фионы, а мужчина чувствовал, как она слабеет, держится изо всех сил, но судя по всему, не хочет и не может найти ответа, только сильнее прижимается к нему. Реган поднялся и обнял жену. Пускай он не король, а только принц-консорт (хотя на самом деле его статус официально еще никак не был определен), пускай просто муж королевы. Нет, ответит он.

– Ее величество слишком слаба, чтобы передвигаться пешком. Вы атакуете, но мы не будем ждать окончания боя, а поедем вместе с вами. Прорвемся вместе! Предупредите людей в других экипажах, и пускай боги хранят нас всех.

Спустя несколько минут тяжеловооруженные кавалеристы заняли место в голове колонны, за ними расположился десяток конных гвардейцев, и экипажи в том же порядке в котором выехали из дворца. Реган не знал, чем в этой схватке могла помочь его магия, но в глубине души рассчитывал на силу огня своей ученицы. К сожалению, ему так и не удалось переброситься хотя бы парой фраз с ибером, но он надеялся, что девушки рядом с Элорри не испугаются и поймут, как использовать магию в бою.

Почти скрывшая улицу тьма должна была способствовать их внезапной атаке, хотя персы, безусловно, давно заметили их и наверняка тоже готовились к бою.

Наступила почти абсолютная тишина, прерываемая только всхрапыванием лошадей. В этой уже почти полной темноте, в которой силуэты людей и лошадей едва угадывались, в свете рассыпанных по небосводу звезд, Реган внезапно различил тихое позвякивание на фоне еле слышного шороха шагов. Персы их опередили!

Солдаты это тоже поняли. Скрываться дальше было бессмысленно.

– Все силы преисподней! Вперед, вперед!

Кирасиры двинулись вперед, сначала медленно, а затем все ускоряясь. Почти сразу же вспышка света разорвала всю ширину улицы и страшный треск, грохот разорвал тишину. От неожиданности Реган прикрыл глаза рукой и почти одновременно услышал, как нечто со свистом пронеслось мимо экипажа. Отчаянно заржала лошадь, но они уже торопливо ехали во вновь наступившей темноте.

Еще мгновение и звуки столкнувшихся в темноте отрядов заглушил агонию лошади и стоны раненых солдат. Удары, вскрики, звон стали и вот они уже на месте схватки, среди трупов погибших. Возница аккуратно направляет испуганных лошадей среди едва видимых в темноте тел. Своих или чужих? Лошади отчаянно вздрагивают, чувствуя запах крови, шарахаются, пытаясь сохранить равновесие, сбиваются с хода.

– Быстрее, это еще не все!

Кажется, проехали! Форейтор щелкнул кнутом, подгоняя упряжку лошадей. Секунда, другая, они прибавили ходу, стараясь скорее покинуть место недавнего столкновения. И в этот момент еще одна вспышка света и грохот, громче прежнего. Отчаянный крик возницы переднего экипажа, женские крики и как в необыкновенном сне экипаж, в нескольких десятках шагов перед ними, огромным черным пятном заслонил лунный свет и почти вертикально поднялся вверх, а затем перевернулся и рухнул поперек дороги.

Их возница сделал все что мог, и они успели свернуть, почти удалось проскочить миновать место катастрофы, но все-таки карета задела столб на краю тротуара и через мгновение повозка начала заваливаться на бок, потеряв колесо.

Сидевший напротив гвардеец не удержавшись, размахивая руками, упал прямо на мага, и рукоятка его меча больно пересчитала все ребра мужчины. Коляска рухнула и Реган, чувствуя, что наваливается спиной на тело Фионы, отчаянно оттолкнул солдата. Короткий всхрип отлетевшего на несколько метров человека смешался с другими, дикими криками разорвавшими темноту. Через мгновение он оказался на земле, сжав голову руками, магическое усилие, забравшее всю энергию, отразилось отчаянными ударами в висках. Сквозь отчаянное ржание, звон металла, ругань и стоны, он почувствовал или уловил на самой грани человеческого восприятия, женский стон. Фиона была там внутри, и ей было очень больно.

Реган поднялся и чуть не упал, слабость внезапно вновь дала о себе знать, он схватился за экипаж, колени подогнулись, маг чуть не упал. И это его спасло. Меч свистнул над головой и темный силуэт, замешкавшись на мгновение, отступил назад. Реган выхватил из ножен свое оружие и сумел отразить следующий выпад. Еще удар, еще и дальше тело действовало уже само по себе. Его меч был значительно длиннее и, перехватив рукоять двумя руками, он нанес рубящий удар, противник, не удержавшись, упал и скрылся в темноте. Реган попытался нащупать в темноте руку Фионы, коляска дергалась из стороны в сторону, никто не освободил упавших лошадей и теперь они окончательно запутались в упряжи.

– Быстрее, быстрее!

Голос Элорри за спиной прозвучал как спасение и через секунду сменился вновь звоном оружия. У него уже не хватало сил.

– Фиона! Фиона!

– Я здесь.

Слава богу, он расслышал. Его жена сумела выбраться из экипажа и теперь сидела на земле совсем рядом, зачем-то сжимая в руках упавшее колесо.

Все вокруг затопила внезапная вспышка огня, сопровождающаяся женским визгом на пределе слышимости.

А потом только страшные вопли, отчаянные крики мужчин, погибающих ужасной смертью, треск пламени и, кажется, женский голос, только на секунду прорвавшийся через эту какофонию. Языки пламени взметнулись в темное небо и осветили мечущиеся в беспорядке фигуры

Он вдруг понял, что бежит по улице и тянет за собой кого-то, а другой рукой с мечом беспорядочно размахивает перед собой.

– Сюда, сюда!

Повернулся на крик, опять в темноту. Несколько шагов.

– Я больше не могу! Реган, я больше не могу!

Подхватив ее на руки, он выронил оружие. Ну и ладно, нет времени. Голос Элорри требовал.

– Быстрее, быстрее.

Они остановились, может быть минут через десять и баск забрал Фиону у него из объятий.

Кто-то шептал ему на ухо.

– Милый, милый давай еще немножечко, ты сможешь.

В этом голосе было все: слезы, горе и надежда. Сила заставляющая сделать шаг. И еще один.

Потом он вдруг очутился в незнакомой комнате, в глубоком кресле. В свете одинокой свечи Мадлен хлопотала у кровати. «Хорошо, кажется все в порядке». Он попытался улыбнуться. Но кажется, вышла только странная гримаса.

– Мадлен, я рад, что ты здесь. А Дорис?

Студентка подошла, и начала молча вытирать его лицо платочком. Она смачивала ткань слюной и осторожно касалась его лба и скулы. Этими движениями девушка словно успокаивала его, а может быть себя. Маг не мог различить в тени выражение ее лица, но губы вздрагивали, как будто она просто не могла это произнести. И все-таки глубоко вздохнув, после еще одной паузы сумела заставить себя.

– Кажется, ее убили. А может, может она убила себя.

Еще раз вздохнув, девушка продолжила свое занятие. А он вдыхал слабый аромат духов и не мог вспомнить, что же это были за цветы. Глупо наверно.

– Не надо было ей ехать. Но она боялась оставаться там без меня.

Глава 4. Подарок

Эта ночь давила, словно накинута на все небо до горизонта черный непроницаемый полог. Дана долго лежала, чувствуя, что задыхается и капельки пота стекают, обгоняя друг друга и словно торопясь встретиться где-то внизу. «Еще немного и я начну тонуть в собственной постели. Не хватало только заболеть!»

Девушка поднялась и, накинув пеньюар, еле переступая на ватных ногах, направилась к окну. За прозрачной гранью стекла безраздельная темнота осенней ночи не позволяла различить ничего даже на расстоянии нескольких метров.

«Наверно там ужасно холодно!» Дана огляделась в поисках чего-нибудь потеплее, что можно было накинуть на плечи, но ничего не обнаружила ничего.

Странно, что холод так легко проникает внутрь дома, даже кажется, что за окном теплее, чем здесь, внутри. Огонь в маленьком камине давно погас, не оставив даже намека на искры. Страшное безобразие согревать жилище таким образом.

Она почувствовала на мгновение короткий толчок, будто кто-то мягко дотронулся ей до спины в области сердца. Эхо где-то на северо-востоке и почти сразу еще и еще, в разных местах. Что это такое было?

Ей даже показалось, что вокруг потеплело. Или ее бросило в жар? Сердце ускорило свой ритм, все сильнее и болезненнее отзываясь в висках. Еще один удар где-то на юге. Происходит нечто необыкновенное, а она не знает что!

Все это наверняка имеет отношение к ней! Последнее время вообще все, что происходило, все было связано с ней, во всяком случае, это нельзя оставлять просто так. Нужно сделать что-то, чтобы узнать что это, а может быть кто?

Дана пошатнулась, земля ушла из под ног и она вновь ощутила под ногами холодную влажную поверхность и острые камешки вновь врезались в кожу, да так что она согнула ногу и вскрикнула.

Это место она определенно помнила.

Почему же она оказалась снова здесь? Здесь, где все началось. Может быть, это что-то означало? Какой-то круг замкнулся, или она вышла на другой уровень и сейчас в ушах прозвучит какая-то дурацкая фраза из компьютерной игры. Порыв свежего ветра с моря, ощущаемый всем телом, утверждал, что это не игра. И почему она опять оказалась здесь почти голой!

Легкий шелк почти не давал тепла и Дана невольно приобняла себя руками, желая согреться. Край неба, где-то далеко на горизонте, уже окрашивался в светло-голубые тона, но здесь, прямо над ней, ночь еще была в своем праве и звезды прямо над головой протягивали острые спицы холода прямо к сердцу.

Поскрипывание, легкий шелест шагов за спиной, кто-то приближался, но она не чувствовала опасности. Уже знакомое покалывание в предплечьях отсутствовало, и она просто ждала, выпрямив спину. Вновь налетевший легкий ветерок окончательно разметал волосы и заставил ее почувствовать себя какой-то незащищенной. Кто на этот раз был у нее за спиной? Ожидает ли ее очередной прыжок в неизведанное?

– Мне кажется тебе холодно.

Мужчина набросил ей на плечи кожаную куртку и, ее буквально окутало облако запахов, нахлынувших из совсем вылетевшего из головы прошлого. Косуха, пропахшая мужским потом, сигаретным дымом, бензином была сейчас каким-то невообразимо приятным и в то же время странным явлением. Дана оглянулась, и некоторое время стояла с открытым ртом, мучительно пытаясь вспомнить этот седоватый ежик и эту улыбку, откровенную и уверенную.

– Я тебя помню! Ты приходил ко мне в больницу, тогда, давно.

Она чуть не добавила «в детстве», но вовремя остановилась. Он совсем не изменился, ни на каплю, был такой же, как тогда...

– А она?

– Нет.

Задумчиво рассматривая его еле заметные морщинки на загорелом обветренном лице, она пыталась решить, что же означало его появление здесь, в этом месте. Легкий намек на щетину, как символ брутальности или просто знак того, что брился страж если не сегодня, то все равно совсем недавно. Девушка плотнее закуталась в куртку и невольно вновь глубоко вдохнула его запах. Некоторое время они молчали, рассматривая или делая вид, что изучают горизонт, где первые искры пробивались в ясной синеве. Рассвет уже недалеко. Новый день.

– Этот мир не нравится Елене.

Это было странно. Она повернулась и нахмурилась, пытаясь вспомнить, почему ее мать почти никогда не покидала свой особняк. Вроде бы даже никогда не строила планов, не пыталась расспросить свою дочь о поездках и путешествиях. А она скучала в четырех стенах, ее все время тянуло узнавать новые места, кажется, вне дома она всегда ощущала себя куда более живой, настоящей. Может быть, даже это являлось причиной тихого неудовольствия и показного равнодушия к событиям происходившим где-то вне обыденного и спланированного заранее. Девана продолжала рассматривать мужчину и вдруг поймала себя на мысли, что хочет прикоснуться к этим мускулам, столь явно вырисовывающимся под черной футболкой. Сила столь явственно читалась в этом человеке даже сейчас, в тишине и полутенях, оставляющих больше места для воображения. Нет, в этой силе не ощущалась угроза, скорее свойственная немногим настоящим мужчинам надежность.

– Меня хотели убить. Ты знаешь?

Она произнесла эти слова и сама удивилась. Неужели в присутствии этого человека она уже начала вести себя как маленькая девочка, жаловаться, хныкать и вообще ждать, что ее пожалеют и сразу же решат все проблемы. Нет, невозможно. Хотя в нем действительно чувствовался настоящий страж, защитник. Может быть, дело только во времени? Когда-нибудь Дар тоже станет таким.

– Расскажешь мне об этом? Чуть позже.

Он только кивнул, продолжая думать о чем-то своем. Нет, она просто чувствовала себя неуверенно и все же не могла настаивать. Наверное, надо просто двигаться шаг за шагом.

– А ты хорошо знаешь этот мир? Мне надо... разобраться.

Дана ощутила в нем нетерпенье. И еще радость, радость, ожидание исполнения желания, возбуждение. И это возбуждение передалось ей, сама эта мысль показалась ей просто необыкновенной и она прошептала еле слышно, охрипшим голосом.

– Ты хочешь лететь? Я чувствую это. Наверное, это просто невероятное ощущение. Покажешь мне?

Возможно, ей все-таки удалось удивить его и, теперь уже мужчина принялся рассматривать ее в упор, так что ей стало вновь не по себе. Но в руках, в ее предплечьях, там, где прятались странные силы, царило абсолютное спокойствие, тишина такая же, как и во всей природе вокруг них. Ни криков птиц, ни шелеста волн, ни шума ветра.

– Запомни, когда-то твоя мать нарекла меня Ярне.

И тут же, сделав несколько быстрых шагов, он оттолкнулся от края скалы и прыгнул, на лету расставляя руки в стороны.

Дана замерла, обхватив себя руками. Но затем она услышала звук, потом второй, третий, сильный глубокий, не похожий ни на какой другой. Через секунду дракон появился над краем скалы и, взмахивая раз за разом начал подниматься выше и выше. Первый солнечный луч вырвался из-за горизонта и осветил край неба. Еще и еще один, на фоне этого ослепительного

блеска дракон поднимался выше и выше, так же постепенно превратился в почти незаметный темный силуэт.

Она стояла и смотрела, открыв рот. Этот полет не мог не вызвать восхищения. Волшебство в нем было, не магия не колдовство, волшебное искусство и невообразимая живая сила. Солнце светило все сильнее и Дана почувствовала, что слезы уже не позволяют ей смотреть вверх и дракон откликнулся на ее зов.

Темный силуэт падал вниз камнем, сложив крылья, а девушка ждала. Слезы текли по щекам, сердце билось так, что еще секунду, и оно выскочит наружу. Дана подняла руку и протянула ладонь навстречу огромному монстру. В нескольких десятках метров Ярне развернул огромные крылья и, замедлив падение, выровнял полет. Он заложил вираж, облетая вокруг Деваны и крыло его почти задело раскрытую ладонь, вихрь закружился лишая дыхания и сбивая с ног.

Она попыталась устоять под этим ураганом, сжала кулаки, напряглась, с глухим звуком куртка упала с плеч на деревянный пол, и она поняла, что очутилась вновь в той же самой комнате, перед распахнутым окном, через которое тянулась утренняя прохлада. Здесь небо было еще совсем темным и среди белых низких облаков холодно сияли звезды.

К этому уже можно было привыкнуть, но ей казалось совершенно необыкновенным, что всего несколько ударов сердца отделяло ее от полета стража, от солнечных лучей танцующих над морем и необыкновенного единения с этим миром. А что теперь?

Знакомый звук заставил с недоверием поднять голову. Огромный силуэт мелькнул на мгновение, закрывая блеск ночных созвездий. Ее страж возвращался домой.

Дана вернулась в постель. Окно осталось открытым настезь и, свежий ветер с запахом сырой листвы старался наполнить помещение, напоминая, что осень обязательно наступит и в этом мире.

Глава 5. Послание и письмо

Утро встретило Дану хороводом событий. Едва она успела проснуться, как в комнату проскользнула Тина и с загадочным видом попросила девушку поторопиться одеться и привести себя в порядок.

Помогая победить многочисленные детали туалета, подруга не отвечала на вопросы по поводу спешки, но чувствовалось, как она напряжена и явно нервничает, роняя то один, то другой предмет. Старательно расчесывая огненные пряди, Ковентина ловко перевела разговор на тему погоды или завтрака, а на прямые вопросы только закатывала глаза и сопела.

Сразу же после завершения процесса, заглянув вместе с Даной в зеркало, блондинка почти потащила ее за собой, буквально пританцовывая на ходу от возбуждения.

Они направились не в сторону лестницы и не в сторону обеденного зала, хотя Дане показалось, что издали доносится звон посуды. Они прошли в конец коридора, в сторону гостевых комнат и блондинка, приложив палец к губам, исчезла за одной из них.

Странное поведение подруги не могло не заинтриговать, но Дана не успела ничего придумать, как Тина вернулась и пригласила ее войти.

Эта комната была значительно меньше той, где поселилась Девона. Кроме заправленной одноместной кровати, здесь был только узкий одежный шкаф и ветхий стул у окна. Сейчас этот стул занимал совершенно седой пожилой мужчина. Он крутил в своих руках трость с набалдашником в виде головы какого-то фантастического существа, на подоконнике лежала красная курительная трубка, кажется изготовленная с использованием тех же символов.

Судя по всему, человек этот придавал своему облику достаточно большое значение, во всяком случае, одет он был хотя и без каких-либо изысков, однако совершенно точно в стиле максимально соответствующем его возрасту и внешнему виду.

У Даны сразу же возникли ассоциации с весьма симпатичным антигероем одного популярного фильма. Длинные седые волосы, аккуратно подстриженная седая борода и усы, вместе с глубокими морщинами каким-то необычным образом подчеркивали живой, заинтересованный взгляд. В этом человеке совсем не ощущалась свойственная людям старшего возраста усталость, о нет, этот человек еще с интересом ждал чего-то, что могло разнообразить его жизнь. И встреча с новой хозяйкой усадьбы, как раз могла стать тем толчком, что должен был заставить кровь быстрее бежать в жилах.

Девушка не обратила внимания на щелчок двери за спиной, Ковентина явно не должна была участвовать в их разговоре. Но почему она так волновалась?

– Прошу прощения, что позволил себе явиться в дом без приглашения и более того, без всякого доклада занял эту комнату. Но надеюсь, вы простите мое самоуправство. Меня зовут Фелан Феррер.

Он сделал паузу, оставаясь при этом сидеть, откинувшись на спинку стула. Словно ждал от Деваны реакции, ответа на его слова. А она вдруг почувствовала себя ученицей, замершей перед завучем, не зная повода из-за которого ее пригласили в кабинет, но заранее не ожидающей от этого визита ничего хорошего.

Девушка поймала себя на том, что совершенно не знает, что сделать со своими руками, подавив сначала желание сложить их на груди, затем спрятать за спиной, в конце концов, нервно сцепила пальцы и, сделав шаг в сторону, просто опустила, почти упала на кровать.

Хотя на почти полностью покрытом ухоженными зарослями лице мужчины различить что-либо было сложно, Дана готова была поклясться, что некая тень неудовольствия, или сомнения коснулась глаз. Возможно, именно это неудовольствие отразилось и в перемене позы, гость скрестил ноги и оперся на трость, словно постаравшись сохранить визуальный контакт.

Девушка вдруг почувствовала нелепое желание поболтать ногами и чтобы не выставить себя полной идиоткой она даже прижала ладони к коленям. Этот старик определенно тоже маг. Она ощущала невесомые колебания, движение перышка силы, притягивающее невидимые волоски. Нежно и непонятно. Сестры спали где-то в глубине под этими мягкими волнами, значит, это не представляло опасности для нее.

Интересно, а сознавал ли господин Феррер, что обладает такой магией? А может быть, он просто считал, что его сила воли, необыкновенный магнетизм влияет на людей. А впрочем, разве это не так?

– Позвольте я закурю? Я знаю, что большинство женщин не выносят табачного дыма, но может, вы разрешите старику его маленькую слабость?

Все слова этого, нет, не старика, она бы не рискнула так назвать деда Ковентины, хотя весь его облик однозначно намекал на груз прожитых лет. И в то же время, мужчина словно гордился своим возрастом и видимо собирался еще не просто наслаждаться жизнью, но и активно управлять жизнями других.

– Нет, ничего. Я только приоткрою окно.

Движение позволило окончательно справиться с эмоциями. За окном солнце лениво пробивалось сквозь череду плывущих светло-серых облаков. Осень уже наступила, хотя и притворялась пока молодящейся красоткой, яркими красками скрывая первые признаки неизбежного увядания.

Вдохнув полной грудью, два или три раза она вернулась на свое место. Теперь она присела нарочито медленно, старательно расправив все видимые и воображаемые складки платья.

В свою очередь господин Феррер так же медленно и спокойно достал из кармана металлическую коробочку, открыл и чиркнул спичкой. Потом раскурил трубку и с наслаждением выдохнул целое облако дыма. При этом он продолжал задумчиво рассматривать свою собеседницу.

Дана больше не ощущала даже мимолетного ощущения присутствия магии. Возможно, мужчина теперь думал о другом или эмоции покинули его. Очень может быть он, так как и многие другие, не подозревал о своих реальных способностях и даже не замечал их, а может запас сил у него был настолько невелик, что теперь они просто иссякли, не оказав на нее никакого воздействия. И все-таки, ей было очень интересно, что же это была за магия.

– Я приехал забрать свою внучку. Знаете ли, мадам, сейчас не лучшие времена и мне бы хотелось, чтобы она вернулась в наш дом.

Девушка продолжала молчать. Теперь поведение Тины уже не вызывало у нее удивления. У Даны дедушки никогда не было, как не было и бабушки. И в том необыкновенном одиночестве, в детских размышлениях о том, как это, общаться с людьми, которые тебя любят так же как мама или по-другому, но особенно сильно и нежно, лежа в кровати, она могла долго представлять их внезапное появление из ниоткуда. С объятиями, поцелуями и подарками.

Но так случилось, что они не появились, как не появился и отец. Постепенно, она научилась не задавать вопросы без ответов даже себе. И вот теперь она знает, кем были ее дед и бабушка. Она знает, как их звали, как они выглядели, она знает, что они умерли сотни лет назад. Это было странно и печально. Странно было осознавать, что бабушка не любила ее еще задолго до рождения. Хотя может быть потом, она изменила свое отношение?

А какие отношения связывали Ковентину с ее дедом? Во всяком случае он решился приехать в этот дом после того что произошло, после того как сын скрылся в ночи, после неудачи этого проклятого ритуала.

Кажется, его трубка погасла. Во всяком случае, старик опустил руку и просто ждал. Нет, сейчас Дана уже смогла понять, что и его костюм, и черный галстук, и рубашка, подобранные с таким вкусом, все эти вещи, они пережили вместе со своим хозяином многое. Основным

достоянием этого человека, скорее всего, теперь, были его дети. И его внуки, а может быть только одна внучка. Ведь про детей Жака и Ханны она ничего не знала.

– Нет.

Его лицо не дрогнуло. Может быть, только что-то изменилось в глазах, совершенно мимо-летно, но он уже отвернулся, нащупывая, где-то в глубине кармана коробочку со спичками.

Дана вдруг поймала себя, что зябко потирает руки, воздух, незаметно проникший в комнату, принес с собой не только осенние запахи, но и осеннюю свежесть.

Ей стало неудобно, наверняка гость, сидящий ближе к окну, озяб и, теперь нужно было вновь подняться с места, чтобы закрыть окно. Несколько секунд она колебалась, не зная как попросить деда Тины ненадолго отложить свою трубку. Но тот после одной или двух неудачных попыток сам поднялся и направился к окну. Глубоко вдохнув, несколько раз, он повернулся к окну спиной. Девана заметила, что его лицо почти совсем лишилось красок и теперь ничем не выделялось на фоне седых волос.

– Вам плохо? Я пугаю вас?

Произнося эту странную фразу, она более всего хотела, чтобы мужчина немедленно самым решительным образом возразил и нашел самое простое и естественное объяснение своей слабости.

Она поспешила к нему и почти силой вновь усадила в кресло. Потом прикрыла одну из створок окна. Вытащив платок, хотела вытереть выступивший на лбу старика пот, но он удержал ее руку.

– Спасибо, мадам. Жаль, что моя внучка забыла представить нас. Может быть, по этой причине беседа не очень получается.

Рука мужчины не очень напоминала руку старика, во всяком случае, кожа на руке еще была без неприятных пигментных пятен, и в ней ощущалось достаточно мужской силы. А Дана замерла, словно пойманная в ловушку взгляда. Там, совсем недалеко, за этими подступавшими к дому деревьями, за ветками, усыпанными замершими в молчании серо-черными воронами, за холодом утра, кто-то спрятался и стоял уже достаточно давно, наблюдая за ними и прислушиваясь к разговору. Этот кто-то пытался оставаться незамеченным и надеялся, что ему это удастся. Может быть, он хотел прочесть ее мысли и захватить в западню чуждых эмоций. Дана вдруг почувствовала прикосновение, легкое дуновение в том месте, где с левой стороны груди каждый ощущает нечто самое главное, источник жизни, место, прикоснувшись к которому получаешь немедленное и самое главное подтверждение. Сердце бьется – ты живешь. Может быть, это была угроза? Или предупреждение?

Звук упавшей трости заставил ее вздрогнуть и наваждение пропало. Она захлопнула окно.

– Меня зовут Девана. Можете обращаться ко мне без слова мадам. Я пока не замужем. Давайте перейдем в другое место. Может быть, прогулка поможет собраться с мыслями. И еще, здесь мне почему-то не по себе.

Через секунду она уже пожалела о своем предложении, оказалось, что господин Феррер немного прихрамывал, и что его трость была отнюдь не необычным аксессуаром, а самым необходимым предметом. Ощущение, что она все делает невпопад, вернулось с новой силой, и чтобы скрыть свое смущение она решительно открыла дверь и вышла в коридор.

Теперь она вспомнила о беспорядке внизу и решила, что лучше всего, если они продолжат беседу в гостиной. Наверно следовало пригласить гостя позавтракать или попросить подать чай.

В коридоре было пусто, Ковентина видимо совсем не хотела принимать участие в беседе, и не ожидала от разговора ничего хорошего, поэтому поспешила исчезнуть в неизвестном направлении. Дана растерянно покрутила головой и от досады неожиданно для себя топнула.

– Давайте просто пройдемся. Я хорошо знаю этот дом, когда-то я часто бывал здесь. И не только здесь. Мальчишкой я часто носился по лесу, подсматривал за крестьянами, бывал и у друидов.

Девона прикусила губу. Тема друидов по-прежнему навевала на нее практически inferнальный ужас. Сейчас же, вновь вспомнился черный круг в земле и заунывное пение жрецов.

– Впоследствии я еще не раз бывал у них. Мне это помогло за морем. Там тоже встречается магия, хотя и немного другая.

Дед Ковентины бывал по другую сторону Атлантического океана? Кстати, интересно как он назывался здесь.

В любом случае, кроме нескольких отрывочных фраз о судьбе родителей Регана и о заморских колониях это было первое живое упоминание о земле по ту сторону. И хорошая возможность увести разговор от неприятной тематики в сторону обретения полезных, а может быть даже необходимых знаний.

– И как выглядит жизнь в королевских колониях. Там наверно все необычно и красиво?

Старик остановился, а девушка заметила, что одна, только сделав несколько шагов по коридору. Обернувшись, она обнаружила, что господин Ферран стоит, опустив голову и опершись обеими руками на трость.

– Простите, я заболталась.

Теперь мужчина полез уже в нагрудный карман и спустя мгновение в его руке появился запечатанный конверт, который он немедленно протянул Деване.

– Это второе дело, по которому я приехал. Теренций просил передать вам это письмо. Он добавил, что надеется, что вы все поймете. Может быть, поймете.

Замявшись на секунду не поднимая взгляда и не опуская руки, добавил.

– Я знаю итальянца давно. И Ханна замечательная женщина. Вы должны понять то, что произошло то, что они мне рассказали, не зависело от их воли.

Ни слова о сыне. Хотя, наверно, мог бы попросить за него, принести извинения от его имени. Или они думают, что после ужаса, который испытала она, никто не может рассчитывать на прощение?

– Ваш сын. Пускай возвращается. Конечно, пускай возвращается. Мы уедем в столицу, и кому-то надо будет позаботиться об имени.

– Я скажу ему. Конечно, столько лет прожито в этих стенах. А вам? Вам дорог этот дом? Как вы относитесь к тому, что здесь происходило? И сейчас, и раньше. Это старый дом. Здесь жило множество людей, они рождались и умирали часто, не узнав ничего вне этого маленького мира.

Она не знала что ответить. Вот разве что...

– Скажите, а где здесь хоронят умерших? Где здесь кладбище? У хозяев имения, у предков Регана наверно есть фамильный склеп?

Дед Ковентины обладал странной способностью, внезапно словно менять свой возраст, как будто одним махом мог скинуть десяток лет, спрятать их в карман, чтобы в нужный момент вновь извлечь прожитые годы и стать самим собой. Хотя кто знает, в какой момент он был ближе к своему естественному состоянию?

– Вы меня страшно удивляете девушка. Я же сказал, что с детства имение было моим вторым домом. Здесь я знаю все. И я видел фреску. Рассматривал это необычное изображение много раз.

Он сунул конверт ей в ладонь и накрыл второй рукой, зажав локтем трость. Некоторое время пристально вглядывался в амулет. Зеленый камень в когтях дракона слабо светился, мерцая искрами света.

– Здесь есть склеп. Когда-то там хоронили всех членов семьи. Теперь нет. Но я еще раз хочу спросить девушку с фрески, что для нее это место, что для нее этот дом, что для нее храм, сгоревший в драконьем пламени.

Теперь она была уверена, эта странно тяжелая трость была не просто так. Все было не просто так.

– Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Теперь она уже пошла, не оглядываясь, и совсем не удивилась вновь, не услышав характерного деревянного стука. Еще секунду спустя она уже почти бежала, подобрав юбки.

Распахнув настежь дверь в свою комнату Дана почувствовала, еще немного и она разревется, забьется в истерику, упадет и откажется не только продолжать эту словесную дуэль, но просто ляжет и откажется встать, чтобы не произошло. Закроет лицо и уши, окунется в благословенное небытие и, больше не будет ни отвечать на странные вопросы ни пытаться задавать свои.

– Вот. Это я хотела показать вам.

Мужчина внимательно рассматривал оба портрета, время от времени поглаживая свою стильную бороду. Дана присела на краешек старинного стула и, сложив ладони домиком приложила к губам. Сейчас происходило что-то важное, какое-то действие, которое могло объединить ее с этим человеком и со всем особенным миром, стоящим за ним, а могло и усилить вокруг эту атмосферу непонимания и страха.

– Ковентина покажет вам усыпальницу. Она умная девочка и не будет придумывать то, чего нет на самом деле.

Гость пытался найти что-то еще, шаря по многочисленным карманам костюма.

– Кто бы мог подумать. Извини, я, кажется, оставил свою трубку в своей комнате. Может быть, ты пошлешь кого-нибудь.

Дана погасила слабый огонек раздражения. Уже на ходу под стук каблучков она раздумывала, что заставило ее рассердиться. То ли, то, что она как девочка побежала исполнять просьбу старика, то ли, то, что он также как остальные словно избегала прямого разговора.

Может все они считают ее полной дурой? Трубка лежала на подоконнике холодная, чужая и совсем погасшая. Вороны покинули ветви деревьев и, теперь в панике носились огромным облаком, кажется совсем чуть-чуть ниже серых облаков.

Она вернулась буквально через минуту, но господина Феррана в ее комнате уже не было. Несколько минут глупого ожидания невесть чего под задумчивым взглядом с портрета. Наконец, вздохнув, пришлось согласиться с матерью, что старик сюда больше не придет. Оставалось только возмущаться и пожаловаться наступившей тишине.

– Только задашь какой-нибудь вопрос, как человек тотчас исчезает или чего похуже. От этого мельтешения у меня только начинает болеть голова.

Спустившись вниз, Дана обнаружила Ковентину, которая наблюдала, как слуга уныло сметал с мощеного подворья осколки стекол. Девушка держала в руках глиняную кружку, пила молоко и обменивалась с работником ничего не значащими репликами.

– Твой дедушка уехал?

– Ага.

Настроение у блондинки явно улучшилось, к ней вернулась привычная безмятежность.

– Королева объявила сбор ополчения. Вот он и поехал.

Трость сиротливо стояла у ног подруги таким же никому не интересным артефактом, как и трубка в руках Даны.

– Мне кажется, пожилому человеку не стоило бы ездить на такие мероприятия.

Слово «мероприятия» показалось совсем не к месту. Глупым и вообще неживым, не от мира сего. Наверное, Тине тоже так показалось, она взглянула, удивленно наклонив голову,

словно раздумывая над таким странным определением военной компании. Потом видимо так и не придя к какому-то решению, достала еще одну кружку и протянула подруге.

– Хочешь молока?

И сделав глоток, добавила.

– Дед вечно ищет такие авантюры. Он же майор пехоты в отставке. Десять лет воевал в колониях с дикарями. А тут его с утра ожидали такие же, как он ветераны.

Слово ветераны, она произнесла по слогам растягивая звуки и, у Даны не осталось ни малейшего сомнения как Тина относится к этому сообществу немолодых вояк.

– Он тебе оставил свою трость. Сказал «на память».

Девона вернула пустую кружку. Пожалуй, стоило идти завтракать. Трость по-прежнему казалась ей непонятно тяжелой. Наверняка здесь был, какой-то секрет. Она начала ощупывать голову зверя.

Внезапный щелчок заставил вздрогнуть. Ковентина смотрела, разинув рот, когда в руках подруги блеснуло острие шпаги, деревянные ножны отлетели на десяток шагов в сторону и с глухим стуком ударились в стену дома.

«Да я запомню и сохраню этот подарок».

Визит господина Ферара, означал ли он только то, что дедушка приехал убедиться, что с его обожаемой внучкой все в порядке? И роль почтальона была единственной ролью, которую он на себя взял. А может быть приехал посмотреть, как идут дела у «ведьмы», и скоро ли она покинет родовое гнездо местной аристократической верхушки. А может быть, что-то еще? Что-то неуловимое было в его словах что-то, что она не смогла понять, расшифровать.

Но вот что могло быть в письме итальянца? Извинения? Нет, извинений она не примет. Тем более что гибель людей в тот день, в значительной мере лежит на нем. Его поступки, его слова не оставляли сомнений что он принимал во всей этой катастрофе самое непосредственное участие. Был ли он организатором? Может быть. Все может быть. В любом случае он предатель!

Вокруг все постоянно на что-то намекали, ждали какой-то реакции и сразу же отступали, с досадой или в недоумении. Просто ужасающая нелепица, что Теренций оказался таким негодеем, он мог бы объяснить ей все спокойно. Хотя может быть маг и пошел на все это потому, что так много знал о ней и об этом «предначертанном»? Нет, так она могла очень скоро начать бояться сама себя. Кажется, никаких жестоких желаний и кровавых планов у нее не было. До последнего времени.

Дана заметила, что почти смяла неоткрытый конверт. Но ведь действительно, планы у нее появились. Иначе, чем объяснить то для чего она едет в столицу. И не одна.

Глава 6. В тени мечты

Странно было пробудиться и узнать, что ты находишься в доме своего телохранителя. Вообще же, само осознание того что это Элорри имеет дом в этом городе и что ночью они случайно оказались как раз рядом с этим местом, в другое время показалось бы необычным и даже подозрительным совпадением. Но сейчас ему было все равно.

Дом, укрытый за высоким каменным забором, с маленьким двориком полным уюта и тишины, явился ему местом из другого мира. Стоя сейчас на пороге и решая для себя, хочет ли он расположиться в тени этих высоких кустов, скрывающих белизну каменной стены или вернуться обратно в полумрак комнат за деревянными ставнями, Реган изо всех сил пытался отогнать мысли о прошедшей ночи и о событиях вчерашнего дня.

Фиона пришла в себя совсем ненадолго и, выпив воды, вновь погрузилась в забытье. Ее состояние не могло не пугать и, в другой ситуации, маг уже вновь попытался бы придать ей хоть немного сил. Но сейчас он был совершенно опустошен, морально и физически.

Утром Мадлен буквально силой заставила его выпить большую кружку горячего чая с травами и съесть краюху хлеба, уже порядком зачерствевшего и рассыпающегося сухими крошками. Потом он долго сидел за столом один, выстраивая из этих крошек, на потемневшем от времени пространстве полированных досок, различные геометрические фигуры.

Дорис погибла в схватке с персами. Эти вспышки в ночи означали только одно, она попробовала использовать огонь против солдат, и не смогла управлять своими силами так, чтобы это принесло хоть какой-то толк. Хотя может быть и наоборот, это дало время им оторваться от погони с беспомощной женщиной на руках.

Во всяком случае, теперь Реган знал, что у него в жизни есть настоящие враги и есть настоящая цель. Пожалуй, даже не одна цель, а несколько. Но выполнять их он должен был в порядке очередности.

К сожалению, приступить к выполнению этих ясных, понятных целей сейчас у него не было никакой возможности. И это заставляло его не просто нервничать, он готов был бросаться на окружающие его стены, биться головой о камни этого аккуратного дворика, но у него не было сил.

Все его необыкновенное могущество покинуло мага. Ни капли магии, ни малейшего проявления владения стихиями не осталось у него. Сейчас он чувствовал себя как во время путешествия по пустыне, спасаясь от разбойников, он вместе с проводником, вынужден был далеко уйти от обитаемых мест. На третий день маг понял, что может думать только об одном. Капля воды на губах, капля воды за которую можно было отдать всю следующую жизнь.

С трудом переставляя ноги, он представлял себе эту каплю искрящуюся необыкновенным голубым цветом, холодную и чистую представлял, как вода касается его пересохших губ, как он ощущает ее запах, ее свежесть, ее вкус.

Караван египетских купцов натолкнулся на двух полусасыпанных песком людей всего в нескольких сотнях метров от берега моря. Реган выжил, а его проводник – нет.

Такая сухость во рту и жажда, только непотребность во влаге, нет. Он страстно желал возвращения своих сил, но даже на секунду не позволял себе избрать путь, которым он уже воспользовался один раз. Это было попросту невозможно, нечестно.

Итак, у него не было магии, у него не было под рукой помощников, не считая Мадлен, которая была испугана не меньше него и наверняка хотела сейчас только одного, отсидеться в этом доме хотя бы некоторое время, а потом бежать.

Элорри ушел еще до рассвета и Реган даже не слышал ни его шагов, ни как стукнула, обитая металлом калитка. Слова переданные через студентку просто не оставляли иной возможности для интерпретации, ибер попытается сделать что-то, чтобы они выбрались из этой

передраги. Неужели все это только из верности своему загадочному господину? Или для королевы? Хотя нет, вряд ли. И это тоже было достаточно странно, сумеет ли он спасти Фиону и награда будет просто невообразимой. Спасти королеву и уже до конца жизни ни в чем не нуждаться, быть героем многочисленных историй, иконой мужественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.